

Город инвалидов

В медвежий угол Енисейского района в качестве эксперимента переселяют людей с ограниченными возможностями. Местный проект по реабилитации инвалидов обещал им опрятные дома, оснащенные пандусами, благоустроенные квартиры, опеку социальных работников, чистый воздух и добрососедские отношения. Получилась резервация, где люди, как животные, уходят умирать в тайгу.

Населенные пункты, в наименовании которых есть цифровая добавка, всегда вызывают подозрение. Арзамас-16, Маяк-24... Не радиация, так резервация. От сочетания «Енисейск-15» веет стужей. На картах его нет, разве что на военных. Чтобы добраться сюда, надо знать волшебное слово — Шапкино. Это — деревня к северу от Красноярска, примерно в 300 километрах. Потом съезд с трассы в сторону от Енисея и еще километра два по раздолбанной бетонке. Затем бетонка резко обрывается и взгляду открывается вполне апокалипсическая картина. На краю тайги — берендеевской чащи и болота — стоят пятиэтажки, десятка полтора. Шесть из них заселены и образуют нечто вроде микрорайона. Там есть детская площадка и даже слышны звуки человеческой речи. Остальные дома зияют пустыми оконными проемами. При ближайшем рассмотрении оказывается, что некоторые из них не достроены, другие разобраны так, как это бывает при отступлении армии — чтобы не оставлять добро неприятелю.

— Пандус, понимаете, это такое приспособление... Ну, как бы вам это объяснить... По которому инвалиду-опорнику удобно подниматься и спускаться по наклонной плоскости, — рассказываю я Тамаре Шевцовой, единственному социальному работнику в Енисейске-15.

Тамара Васильевна с интересом слушает. Пандусов в поселке нет. Ни одного. Лифтов тоже нет. Проект типовых пятиэтажек их не предусматривает. Зато у Тамары Шевцовой в квартире стеклопакеты — здесь такие мало у кого. 74 инвалида, переехавшие сюда жить, обходятся без этих излишеств. Как, впрочем, и большинство остальных жителей.

Олег попал сюда совсем недавно. Из Плutowой — это пятнадцать километров на юг. У него нет ступней и лодыжек. Говорит, что придавило печкой. Может, врет, может, нет. Больше похоже на то, что ноги он отморозил по пьянке. Врачи в Енисейске об этом не распространяются, но называют своего 37-летнего пациента просто: наш асоциал. Олегу досталась квартира на третьем этаже.

— У меня коляска легонькая, пятьдесят кило всего. Минут за двадцать доползаю до дома. А однажды решил рекорд поставить: добрался на две минуты быстрее, — говорит Олег и в параолимпийском порыве берется демонстрировать свое мастерство. Он складывает свою рычажную коляску, закидывает ее за плечи, руки упирает в верхнюю ступеньку, рывком переносит тело, затем подтягивает ноги. И так — шесть пролетов по девять ступенек каждый. Пятьдесят четыре рывка. Пятьдесят четыре матерных выдоха.

Картина безобразная. Культы извиваются почти по-земноводному. Кажется, прости господи, что по лестнице движется какое-то животное.

— Ты где работал, когда ноги были? — спрашиваю я довольного собой Олега, когда он добирается до своего этажа. Личный норматив он сегодня перевыполнил.

— В лесу работал. Пас скота.

Дальше — легче. Разложить коляску, вставить ключ в замок. Все. Дома!

В квартире у Олега чисто и пахнет новосельем. Объясняется это просто: социальная служба незадолго до того, как вселить сюда жильца, сделала ремонт. Не бог весть какой, но стены покрасили, сантехнику, где надо, починили.

— Я ничего не говорю, жить здесь можно. Только заняться нечем. Я вот хочу обувь шить. Научил бы кто, — говорит Олег, мечтательно теребя свои треники, завязанные в узел на култях.

Квартплата у него действительно небольшая — гасится субсидиями. Но и пенсия всего «тыща триста рэ». Да еще МСЭК замучил. Я думал, насекомое. Оказалось — медико-социальная экспертная комиссия. Олегу необходимо каждый год подтверждать свою инвалидность, проходить переосвидетельствование.

— Как будто за год у меня новые ноги вырастут, — веселится он.

Он ждет операции. Надо удалять кость, чтобы потом сделать протезы. О том, как узнал о программе предоставления социального жилья, рассказывает художественно, сказочно: «Как-то раз пополз я рыбачить на реку Енисей. А там верующий чернобылец стоит с удищем. Разговорились мы с ним, и посоветовал он мне обратиться в соцзащиту. Это Бог мне помог в лице чернобыльца. А потом местное телевидение приехало, телевизор подарило. Может, еще кто-нибудь приедет, еще что-нибудь подарит. Например, мобильник».

О мобильнике Олег мечтает не из каприза, мобильник здесь средство выживания. Потому как другой связи с «большой землей» нет. Все дома телефонизированы, но позвонить со стационарного аппарата можно только соседям. А чего им звонить, если можно выйти на балкон и прокричать все, что о них думаешь? Впрочем, с мобильником тоже возни много. Если, скажем, набираешь 03, то попадаешь не в Шапкино и даже не в Енисейск, а почему-то сразу в Красноярск и ждешь, когда твой звонок переадресуют районной «скорой помощи». Вот это я понимаю — вертикаль власти!

Вот выводят и сажают у дома на табуретку старуху Капитолину. Слепую, жалкую. Специально для нас — демонстрация. Сколько она не выходила из дома, никто не знает. Спорят: месяц, два или больше? Она тоже живет на третьем этаже. Просится, посмеиваясь в кулачок, в дом-интернат. Хотя квартиры здесь, надо сказать, не хрущевские — просторные, с высокими потолками.

Но в нашей стране одиноким быть смертельно опасно. В местной школе знакомимся чуть ли не с четвертью населения городка. Идет репетиция ВИА «Россияночка». Четверть населения — все женщины — поет и пританцовывает. Репертуар соответствующий названию ансамбля. Слова в основном народные. Аккомпанирует слепой баянист Николай Иванович Абакумов. Он тридцать лет назад потерял зрение из-за травмы. Переехал сюда в однушку, но живет на кухне. С радиоприемником. В комнате ему делать нечего. Его личное, частное пространство схлопнулось до восьми квадратных метров. Не может вспомнить, когда в последний раз выезжал за пределы городка. Единственное его, да и всех местных жителей, развлечение — это репетиции, которые устраивают раз в два дня.

— Дни похожи один на другой. Ничего у нас не случается, — напевает слепой баянист, улыбаясь куда-то внутрь себя, растягивая меха и извлекая из них легкомысленный мотив. — Жить не хочется.

Хотеть жить здесь и правда непросто. Все в Енисейске-15 устроено так, будто не инвалиды здесь обитают, а сотрудники МЧС на выезде.

Приезжает аптека на «Газели», но льготные рецепты не отоваривает. Ближайшая аптека, где по ним можно получить лекарства, — в Енисейске. А это больше ста километров на север. Инвалиды вынуждены сдавать рецепты главе шапкинской администрации. Когда их накапливается солидная кучка, он или кто-нибудь из его помощников едет получать лекарства. Так что здешние обитатели льготам предпочитают деньги. Потому что деньги — это водка. А водка в резко континентальных условиях часто бывает эффективней, чем инсулин.

Есть здесь два медика: фельдшерица и врач-гинеколог. Фельдшерица, говорят, ходить по инвалидам брезгует. А сами к ней стучать они боятся, потому что та завела злобную овчарку. Гинеколог — ему за шестьдесят, — напротив, очень отзывчивый. Но после инсульта у него парализована часть тела, и он поднимается в квартиры пациентов не быстрее их самих.

— Зато лучше понимает их проблемы, — комментируют этот медицинский феномен его коллеги из Енисейска.

К сожалению, с легендарным гинекологом поговорить не удалось: уехал в Красноярск на учебу — повышать квалификацию.

«Россияночки», между тем, безо всяких эмоций рассказывают массу кроважанных обыденных историй из жизни своего городка. Один старик ушел в лес умирать, как животное. Другой забрался на крышу разобранной казармы и прыгнул. Еще один две недели лежал мертвый — никто не знал.

— Его же по правилам социальный работник должен был навещать, как инвалида, хотя бы два раза в неделю! — наивно недоумеваю я, но ответной реплики не достаиваюсь: чего зря воздух сотрясать.

Предсмертных записок здесь оставлять не принято.

Ничего объяснять никому не надо. А часто и некому.

Здесь квартиру путают с палатой. Здесь жилзона неотличима от промзоны. Здесь подростки не пишут на стенах брошенных домов «Спартак» и «Тимати — лох», и дело не в воспитании, а в том, что никто этих надписей не увидит, кроме тех, кого знаешь тысячу лет, одних и тех же. Здесь дети здороваются с незнакомцами не из вежливости, а потому что любой приезжий уже сам по себе развлечение.

В городок четвертый день не приезжает «скорая». Сломалась. Мы едем разбираться. «Скорая» обслуживает Шапкино и Енисейск-15. Району эту машину подарили совсем недавно, на праздник, в торжественной обстановке, под флагами «Единой России», при стечении телекамер. Но сейчас она стоит на приколе в гараже леспромхоза — не работает газовый тросик. Спрашиваем у механиков, сколько стоит новый тросик и как долго его менять. Оказывается, что цена вопроса 150 рублей и пятнадцать минут работы. Но «скорая» на балансе района, а леспромхоз ни при чем. И заявка на новую деталь пошла в район, а когда ее оплатят — неизвестно. Обычное дело.

Тут появляется водитель «скорой» Рожков и начинает жаловаться, что ему на месяц выделяют всего 300 литров бензина. Дней за десять горючее заканчивается, потому что ежедневно приходится делать концы по сто километров, и то — «если экономно на вызовы выезжать». А потом нужно просить бензин в долг у леспромхоза. Триста литров бензина — это лимит выживания инвалидов.

Мы даем мужикам деньги с запасом: двести рублей. Спустя час мы снова будем в городке. И там уже все будут знать, что московские журналисты починили им «санитарку». Нас будут благодарить и жать руки. И я буду мучительно вспоминать, когда в последний раз чувствовал себя таким идиотом.

Через Енисейск-15 проходит автобусный маршрут. Автобус уходит раз в день рано утром, а вечером возвращается на стоянку. В зимнее время часто выехать вообще не может, не заводится при минус пятидесяти, а это здесь обычное дело. Все, что теплее, называется сиротской зимой: «даже валенки не надеть, у кого есть на что».

Раньше, если инвалидам, да и другим прочим, надо было выехать из городка — в Шапкино, Енисейск, Лесосибирск или дальше, в Красноярск, — их подбирал школьный автобус. По-свойски. Потому что здесь все друг друга знают. Но потом вышло антитеррористическое распоряжение посторонних не брать.

— В Чечне и Москве взрывают, а детонация вон какая, — рассуждают в ВИА «Россияночка».

Кто бывал в Грозном, знает, что там есть так называемый дом слепых. Об этом извещает крупная надпись на фасаде девятиэтажки, сделанная масляной краской. Там тоже живут инвалиды, в основном — по зрению. И тоже бедно и тяжело. Но жизнь их мне, например, представляется более достойной, что ли. Может быть, потому, что там понятна причина: война. А здесь?

Остается выяснить, кто все это придумал. Если эксперимент, то где исследователи? Если гетто, то кто оккупанты? Кто напечатал рекламные листовки, на которые купилось большинство приехавших умирать в эту глушь? Цветные бумажки приличного качества извещали о том, что в Енисейском районе действует программа предоставления бесплатного социального жилья незащищенным слоям населения. Много фотографий: вот довольный инвалид, которого везет в коляске социальный работник, вот группа жизнерадостных товарищей. Подпись: «Здесь люди понимают, что могут быть счастливы». И текст: «Комфортабельное жилье (площадь до 50 кв. метров) расположено в экологически чистом Енисейском районе, недалеко от федеральной трассы. Все дома оборудованы пандусами, специальными поручнями, чтобы жителям было комфортно передвигаться. Высококласные социальные работники, которые готовы в любой момент прийти на помощь. Низкая оплата за услуги ЖКХ. Чистый воздух и добрососедские отношения. Вам помогут, вас поймут». Венчал все это номер телефона управления соцзащиты Енисейского района. Как выяснилось — настоящий.

В администрации района все уходит в глухой отказ. Листовку объявляют происками политических врагов — мол, выборы скоро: «Вы не представляете, сколько у нас тут грязных политехнологов крутится». Опять эти выборы. У нас чуть где гадость какая — виноваты выборы. Будущие, прошедшие, несостоявшиеся...

Заместитель главы Енисейского района Игорь Антипов — вполне от мира сего. Вот и клюшка в углу. Значит, спортсмен. В ведении его администрации территория размером в две Бельгии. Устраиваем разбор полетов, вызываем сотрудника из отдела по работе с инвалидами. Тот не признается:

— Да, переселяем нуждающиеся категории, но никакой программы именно по инвалидам нет. Просто люди, с которыми мы работаем, как правило, имеют инвалидность. Мы предоставляем им благоустроенные квартиры и закрепляем за каждым социального работника.

— Но там же только один социальный работник!

— А кто туда поедет работать?

— Тогда зачем туда отправлять нуждающихся в помощи людей?

— А куда?

Слово за слово, разговор трансформируется в рапорт. Чиновники с упоением начинают рассказывать об уникальном селе Ярцево к северу от Енисейска, где жители «на одних грибах, ягодах и кедровом орехе джип-японец за два сезона делают и уезжать оттуда не хотят». Я подумал: если так пойдет дальше, они спросят, что мешает инвалидам собирать грибы и ягоды. А также колотить кедровые орехи.

Есть такие социологические идиомы: «стандарты существования», «качество жизни». Так вот, это все не про асоциала Олега, старуху Капитолину и баяниста Кармыгина. Про них — «период дожития». Есть электричество, водоснабжение, батареи зимой горячие — уже курорт. Чего еще желать? У других и этого нет.

Хотеть немногого, довольствоваться малым — вот неизреченный, но вполне явный девиз местной жизни. Считается, что инвалиды должны всему этому радоваться. И они стараются.

Чиновников винить тоже глупо. Делают что могут. Предоставляют жилье там, где оно есть. При этом свои домишки и квартиры, у кого они имеются, инвалиды не продают. Впрочем, у большинства до переселения ничего своего и не было: кто-то угол снимал, другие — погорельцы, третьи — из затопляемой зоны.

Принудительно никого в Енисейск-15 не загоняют. Зачем, если добровольцев полно? На социальные квартиры по спискам соцзащиты сейчас претендуют больше сорока человек. Их заселяют в порядке живой очереди. Скончается (уйдет в тайгу, спрыгнет с крыши) один инвалид — его место занимает очередник.

Виктору Стародубову из села Каргино так и сказали: «Ждите, когда кто-нибудь умрет». Он ждет. Но не уверен, что дождется. На закате жизни он только и нажил, что дом, поросший изнутри плесенью, да два инфаркта.

— С точки зрения реабилитации людей с ограниченными возможностями сама по себе это симпатичная идея: заселять ими оставленные армией военные городки, — говорит Игорь Антипов. — Они будут находиться среди себе подобных, у них постепенно исчезнет чувство ущербности. Но ведь под них надо затачивать всю инфраструктуру. Организовать качественную медицинскую помощь, социальное обслуживание, обеспечить им транспорт, досуг. Это целое дело. Причем дорогостоящее. И если затевать его, то на уровне по крайней мере краевой программы с защищенной строкой в бюджете. А мы готовы стать пилотной площадкой. Хотя, честно говоря, у нас совсем не тот климат, чтобы затевать такие эксперименты.

А пока Игорю Антипову не до комфорта инвалидов. Он радуется уже тому, что в жилых домах Енисейска-15 альпинисты успели до заморозков зашпаклевать межплитные швы.

Похоже, что районные чиновники действительно проявили самодеятельность. Из лучших побуждений. А все равно получается город-призрак. Впрочем, истончаться жизнь Енисейска-15 начала не вчера. Местные во всех своих бедах винят американцев. Потому что это из-за их ультиматума в 1992 году был отдан приказ разбирать радиолокационную станцию (РЛС), которая располагалась в нескольких километрах от городка. Эта станция должна была стать самой крупной в мире и контролировать нашу территорию от Зауралья до Камчатки. Уже шла наладка отдельных агрегатов. Вокруг РЛС кипела жизнь. Здесь работали до девяти тысяч военных строителей. В городке жили офицеры, их семьи. И все рухнуло в один миг. Дома не брошены, а не достроены: самой малости не хватило до завершения строительства. Но все равно первое ощущение, когда въезжаешь в городок, — что здесь внезапно разразилась эпидемия лихорадки Эбола.

В этом году в местную школу пошли десять первоклассников.

Красноярские журналисты снимают сюжет о местном солдате, погибшем в Чечне. Вместе с его отцом Валерием Боровиковым, офицером, участвовавшим в строительстве РЛС, они идут к основному зданию станции. Посреди тайги стоит многоэтажный гигант из битого стекла и осыпающегося бетона. Боровиков-старший в первый раз здесь после того, как отсюда ушли военные. При виде разрушенного колосса он сначала останавливается, потом хватается за голову. Его комментарий сводится к простой мысли, что его сын

не для того погиб на войне. Затем выясняется, что многие объекты РЛС выкупила некая компания. Выкупила и забросила. Может, ждет, когда цветной металл подрастет в цене.

Коренные жители Енисейска-15, в отличие от бывшего советского офицера Боровикова, столь сильных эмоций избегают. Но все же спрашивают нас с надеждой, не будут ли РЛС восстанавливать. Они на нас уже рассчитывают: мы ведь починили «санитарку» — а вдруг и РЛС сможем. Но мы уже знаем, что станцию будут возводить новую, в этом же Енисейском районе, но от городка на приличном расстоянии. Где точно — военная тайна. Хотя в районе многим известно где. Там будет стройка, а значит — жизнь. Кое-кто в Енисейске-15 подумывает, как бы туда перебраться.

Сейчас здесь ситуация довольно противоречивая. Большинство здоровых жителей к тем, кто переехал сюда по социальной программе, относится с пренебрежением, если не сказать с ненавистью: «Вон, старуха у нас есть. То и дело голая бегают по городку. Всех школьников уже невинности лишила».

Но и без инвалидов здоровым не прожить: «Если бы не они и не эта программа, нас бы всех выселили отсюда. А куда нам ехать?»

Кто мог, уже уехал. Например, норильчане. В 1990-х они продавали свои квартиры и переезжали сюда по программе «С Севера на Юг». Впрочем, Енисейск тот еще юг. Норильчане быстро это поняли и рассеялись по стране.

Работы здесь нет никакой. Разве что в единственном магазине и в школе. В магазине продавщицы в толстой тетради ведут расчеты с должниками. Если появляется вакансия школьной уборщицы, в претендентки записывается все женское население.

Так и живут — в нужде, в злобе, без работы. Перебиваются случайными халтурами в Енисейске, кормятся огородами, самые смелые заводят коров, за которыми присматривают прямо с балконов. И все это на фоне изумительной природы — с чем с чем, а с экологией здесь все в порядке, как говорят местные жители. От этого рукотворные изъяны еще заметней.

Здесь Енисей шириной без малого в километр. Ночью воздух пахнет тайменем и сигом: мужики их по запаху отличают, как парфюмеры — духи.

Здесь медведь загрыз насмерть двоих лесорубов, и это известие передается с гордостью: нигде уже медведи никого не грызут, а у нас — пожалуйста.

Здесь кончается автомобильная дорога, и начинаются владения охотников и шишкаррей. Отсюда на север люди передвигаются зимой по зимнику, летом — по воде. Или санитарной авиацией, если что экстренное.

Здесь в гостинице нет удобств в номере, зато по телевизору ловится бесплатный порноканал. И это — повод для шуток.

Тем, кто здесь живет, действительно остается только смеяться над собой. Они и смеются. Асоциал Олег, старуха Капитолина, баянист Абакумов, ВИА «Россияночка» в полном составе. Происхождение этого повсеместного и постоянного смеха неопределенно, но в любом случае драматично. Или терять больше нечего, или кислорода в воздухе слишком много.

Неподалеку от Енисейска-15, в Лесосибирске, расположен специальный дом-интернат, или, по-простому, «инвалидка». Раньше это была обыкновенная «психушка». Теперь здесь обитают инвалиды всех категорий, а также бывшие заключенные-рецидивисты, доживающие свои дни после десятилетий, проведенных на зоне. Таких учреждений в России единицы, таких пациентов — никто не считал.

Интернат производит впечатление: кирпичные корпуса, уютно пытит котельная, пахнет котлетами. Ворота нараспашку. Рядом на всякий случай пост милиции, магазинчик. От него до Енисея рукой подать. На берегу сидят колясочники, удят рыбу, курят. Кто из них убийца или вор в законе, а кто просто психически больной, уже неважно. Старость всех сравняла.

— Вы ошибаетесь, — горячо возражает мне Вадим Федосеев, заведующий отделением. — Старики стариками, а нравы-то тюремные. Им по закону положено выдавать на руки четверть их пенсии — остальное идет на их содержание, — так мы дня три примерно после того, как деньги выдадим, ждем какого-нибудь пьяного ЧП. У нас уже был случай, когда один другому уши отрезал за сто рублей, а потом воткнул нож в сердце.

Мы идем с доктором Федосеевым по его владениям. Рассуждаем о том, как все-таки несправедливо устроена жизнь: бывшие преступники, многие из которых ни дня не работали, живут на казенном довольствии под присмотром квалифицированных медиков, а обычные, «мирские» инвалиды, потерявшие здоровье на производстве, вынуждены бороться за свое существование. К нам подходит мужчина, галантно снимает шляпу, представляется рационализатором Калининым и просит шоколадку.

Доктор Федосеев жестко критикует инициативу администрации Енисейского района. Калинин забывает о шоколадке, слушает, открыв рот.

— Мне просто жаль тех людей, которых переселили в Енисейск-15. Город инвалидов — хорошая идея, но в наших условиях ее трудно воплотить. Мы, например, целых двадцать лет здесь у себя все обустроили: воспитывали персонал, отработывали методику реабилитации, создавали инфраструктуру.

Словно в подтверждение его слов мимо на электронной коляске, ловко манипулируя джойстиком, стремительно проезжает молодая женщина. Доктор снабжает нас исчерпывающей, как ему кажется, информацией: «После аварии. Малолетняя дочь — в интернате. Хочет встать на ноги. Мы с ней активно занимаемся. Коляска стоит как «Ока» — больше ста тысяч».

В тот день, когда мы посетили «инвалидку», Калинин как раз закончил свой новый чертеж подводной лодки на гусеничном ходу. «Хорошая идея, — сказал ему мягко психотерапевт Федосеев. — Но в наших условиях ее трудно воплотить».

Автор: Игорь Найденов © Эксперт ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 2715 15.12.2007, 15:19 📌 407
URL: <https://babr24.com/?ADE=41910> Bytes: 22107 / 22107 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Игорь
Найденов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/@nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/@tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/@babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)